

ВАДИМ ГРИНЁВ

**КРАСНЫЙ
СОКОЛ**

18+

Вадим Гринёв
Красный сокол

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Гринёв В.

Красный сокол / В. Гринёв — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Книга содержит повести о поколениях людей, выросших в эпоху становления Советского Союза. Описываются события периода Гражданской войны на юге Украины, военные действия в республиканской Испании, гражданское противостояние в послевоенном Львове. Автор делится с читателем своими размышлениями о непростых судьбах людей, связавших свою жизнь с авиацией.

ПРЕДИСЛОВИЕ

22 июня 1941 года памятная дата для бывшего советского народа, жизнь которого разграничилась на довоенную и послевоенную истории. В это июньское утро, когда по древней легенде рождается бог Хорс, для нас произошла смена времен.

Тысячи германских бомбардировщиков и истребителей на рассвете вторглись в наше пространство, и не испытывая должного сопротивления ни от нашей авиации, ни от зенитной артиллерии, начали терзать могучее тело Союза. Этот момент можно описать строками нашего поэта Велимира Хлебникова:

Он умер, подымая бивни, опять на небе виден Хорс.

Его живого знали ливни – теперь он глыба, он замерз.

Союз замер в оцепенении. Знали, готовились, но не ожидали такого ливневого превентивного удара от «нашего партнера».

Это утро запомнилось пятилетнему Вовке Лютому на всю оставшуюся жизнь. Оно застало Вовку во Львове, куда он вместе со своими родителями, военнослужащими Харьковского пограничного отряда, прибыл 17 сентября 1939 года. В то летнее утро он оказался один в пустой квартире, потому что родители оба были по тревоге вызваны в расположение отряда. С неба на город падали бомбы, а из окон домов, с чердаков, из-под ворот советских работников и их автомашины обстреливала пятая колонна. Бандеровские подразделения, вышколенные немецким Абвером, заняли в городе все удобные огневые позиции.

После Победы семья Лютых вернулась во Львов. Налаживалась мирная жизнь, восстанавливались разрушенные здания, строились заводы и фабрики. Люди имели работу и заработок. Но мирную жизнь в прифронтовом городе надо было охранять. Владимир Лютый закончил училище МВД, и по служебным делам оказался в районном городке Львовской области. Трудно поверить, но через пятнадцать лет после окончания войны, в молодого лейтенанта стреляли из кустов.

Мои родители жили в одном доме с родителями В. Лютого. Я рос с ним на одной улице, в одном доме и учился в одном классе в послевоенной Львовской школе. Наша дружба с ним длится 75 лет. За это время много событий произошло в мире и в нашей стране. Наиболее яркие, запомнившиеся своей необычностью, события предлагаю вспомнить своим читателям в этой повести.

Керчь, январь 2020г. В. Гринев

Посвящается В. М. Лютому
борцу с беззаконием властей

ОТЦЫ

22 июня 1945 года, к моему дню рождения, мы получили письмо от отца. Он впервые прислал свою военную фотографию. Он поздравил нас с Победой, сообщил, что жив и невредим, и скоро приедет за нами. Отслужив войну в дивизионной разведке 3-го Белорусского фронта, отец был направлен на работу во Львовский городской военкомат.

Во Львовском гарнизонном госпитале работала сестра матери. Отец в конце июня перевез всю семью во Львов и уехал. Мать с детьми поселилась в комнате у своей сестры. Это была довольно просторная комната, на первом этаже, с отдельным входом на улицу Карловичную, в южной части города, рядом с летним бассейном и польской гимназией. В комнате проживали три медсестрички. И вот поселилось еще трое. Но нам было не тесно, так как медсестры работали посменно, и их троих я никогда не видел вместе.

Отец прибыл во Львов только в середине сентября, когда я пошел уже в школу, в здание бывшей польской гимназии. Отец нашел для семьи съемную квартиру на улице Дзержинского,

рядом с площадью Пруса и Стрыйским рынком. Перед Новым 1946-м на свою капитанскую зарплату отец смог купить у одной престарелой польской пары квартиру на четвертом этаже в доме «Люкс». Поляки уезжали во Вроцлав к родным.

Отец начинал свою офицерскую карьеру военным летчиком перед войной. Был призыв: «150000 тысяч комсомольцев – советской авиации». Отец в семнадцать уехал из глухого белорусского села Могилевской области на большую стройку Харьковского тракторного завода. Стал контрольным мастером в сборочном цеху. С завода и был призван в Чугуевское летное училище. В авиацию тогда старались брать технически грамотных специалистов.

Летом 1939-го отец упал вместе с самолетом под Винницей, не дотянув чуть-чуть до посадочной полосы аэродрома. Самолет начал входить в штопор. Отец до конца пытался выйти из штопора, но самолет ударился крылом о землю и перевернулся. Отцу повезло, – он покалечился, но остался жив. Его военврачи собирали по частям. Руки, ноги в молодом организме срослись, а вот все зубы были заменены на металлические. Из нержавеющей стали. Списали из авиации, но оставили в армии. Сохранили офицерское звание. Ходить он научился за полгода до войны и получил назначение в г. Сталино (Донецк). Там и застала его война в должности заместителя военного коменданта. Занимался эвакуацией промышленного оборудования и технических специалистов. С семьями этих специалистов отец отправил и свою семью.

Четверо суток в товарном вагоне женщины с детьми добирались до Казани. На крупных станциях, не подвергшихся бомбежке, я со старшими ходил с чайником за кипятком, а мать оставалась в вагоне с двухлетней сестрой.

Отец в начале июня 45-го получил отпуск и перевез свою семью из поволжского городка Актаныш в Москву, где мы все четверо ночевали в тесной однокомнатной квартире на шоссе Энтузиастов у жены его брата, так и не вернувшегося с фронта. Потом он перевез нас в Конотоп к моей бабушке Бобровой Акулине Лукиничне. В конце сентября он забрал свою семью из Конотопа во Львов.

После широких московских улиц узкие львовские улочки и город в целом показались мне игрушечными. Львову повезло. Город мало пострадал от бомбежек и боевых действий. Немецкие авианалеты в начале войны разбомбили здание железнодорожного вокзала и несколько зданий в центре города. В период оккупации немцы взорвали несколько жилых трехэтажных домов в восточной части города, в еврейском гетто. При освобождении города наши танкисты проутюжили хрупкие австрийские мостовые, уложенные из тесаного дробного камня. Вездесущие мальчишки находили в разрушенных зданиях, в подвалах на свалках, в парках оружие и патроны. Много погибло пацанов. В том числе от небрежно хранившихся отцовских пистолетов.

Я как – то спросил отца:

– Почему мы приехали жить во Львов?

– Мне предложили хорошую должность в военкомате Киева или Львова на выбор. Я выбрал Львов. Киев был сильно разрушен. В Киеве у нас никого не было, а во Львове можно было остановиться на первое время у тети Веры.

–А, куда делась губная гармошка, которую ты мне подарил? На этой гармошке были серебряные колокольчики и они красиво звенели.

–Ты открутил колокольчики и разобрал гармошку. Нам надо было быстро ехать во Львов, и твою гармошку мы не успевали собрать. Если мамин младший брат Алеша сможет собрать гармошку, он привезет ее во Львов.

После новогодних праздников мы переехали в новую трехкомнатную квартиру в доме люкс на последнем четвертом этаже. Наш дом под семнадцатым номером располагался в верхней части улицы Коцюбинского, недалеко от старой квартиры. Новая квартира была просторной и имела три балкона: один выходил на улицу, другой во двор и третий небольшой балкончик был на кухне.

Поляки оставили нам кроме старинной мебели и красивых комнатных люстр с розовыми плафонами еще и вешалку оригинальной конструкции, которая стояла в прихожей. На открытой стенке вешалки были закреплены массивные крюки для верхней одежды. По центру вешалки было вмонтировано большое зеркало, а под ним ящички для щеток. Слева и справа от зеркала крепились никелированные гнезда для зонтиков. Рукоятки зонтиков защелкивались в гнездах, а верхние части зонтов помещались в две специальные металлические ванночки для стока воды. Для чистки ванночки могли выниматься из деревянных узких ящичков.

Больше всего в новой квартире меня и мать восхитила газовая колонка фирмы Гермес. Ранее ни мне ни матери газовыми колонками пользоваться не приходилось. Мать поначалу боялась сама зажигать колонку. Всегда ждала, когда отец придет с работы. К нам в новую квартиру по воскресеньям приходили редкие знакомые отца и сестра матери. Тетя Вера нашла себе из раненных, лечившихся в госпитале, симпатичного голубоглазого парня из Курска. Выжила тетка будущего мужа долго. В Потсдаме его грудь была прошита наискосок автоматной очередью, и отвалился он в госпитале целый год. К нам он пришел в дом вместе с теткой на майские праздники в солдатской форме, без погон и с орденом Славы. После свадьбы Иван Панкратов закончил шоферские курсы и остался работать при госпитале. Какое-то время молодожены жили у нас, а потом им выделили комнату в коммуналке в центре города возле кинотеатра им. Коперника.

Напротив нашей квартиры по лестничной площадке тоже в трехкомнатной квартире проживала стройная красивая блондинка Клавдия Андреевна Никитина. Ее муж летчик-истребитель погиб в Бродовском котле, и она одна воспитывала сына Костю, который был старше меня на год и ходил в шестую школу на улице Зеленой. Клавдия Андреевна много курила, пока не вышла замуж за бывшего летчика, который работал после войны диспетчером во Львовском аэропорту. У них вскоре родились две девочки, двойняшки: черноглазая Танечка, похожая на отца, и голубоглазая Светочка, похожая на мать. Их рождение отмечалось с близкими соседями – Лютыми с третьего этажа, и с моими родителями. Точно не помню какой это был год, но хорошо помню, что новогоднее застолье с соседями было в нашей квартире. Мне поручено было приглядывать за соседскими девчонками. После тостов за живых и не вернувшихся с войны начались воспоминания. И, наконец, я услышал в каких местах воевал мой отец. От него мне трудно было что-либо вытянуть интересное, приключенческое. Он отделялся от моих расспросов стандартной фразой – «подрастешь, – узнаешь!». Наблюдая за девчонками, я прислушался к тому, что говорил отец:

– При взятии Кенигсберга в среднем на одного немца погибало десять наших! Я там был, видел и знаю, что творилось! Мужчины переглянулись. Клавдия Андреевна воскликнула:

– Это ж сколько поубивали гады наших солдатиков!? Как же вы, Федор Никифорович, в этой проклятой Пруссии не погибли?

– Меня, как штабного разведчика, берегли. наших солдат гнали на тевтонские крепости, как телят на убой. Все спешили войти в Берлин. Надо было опередить американцев. Так спешили, что свои же убили командующего третьим Белорусским фронтом.

– Как это свои, Федор Никифорович? – спросил Лютый, сосед с третьего этажа.

– А вот так! При этой трагедии я не присутствовал, но мой непосредственный начальник говорил, что убийство было случайным, и его спровоцировал Смерш! Нам, в войсках, запретили тогда под страхом трибунала, что-либо говорить об этой смерти.

Обстоятельства смерти маршала, дважды героя СССР И. Д. Черняховского (1906-1945) были обнародованы спустя много лет после Победы. Он тогда в феврале 45-го спешил на совещание. Его машину сопровождала машина смершников. Внезапно на дороге появился советский танк. Водитель машины маршала съехал в кювет и остановился, чтобы пропустить танк. Остановилась и машина сопровождения, из которой выскочил старший смершевец. Он потребовал выйти из танка его командиру. Когда тот вышел из танка, смершевец его тут же на глазах

у экипажа пристрелил, вернулся в свою машину, которая поехала первой. Машины отъехали от танка недалеко. Пушка танка выстрелила. Снаряд, вероятно, предназначался для машины смерша, а попал в машину командующего. Вот такие нелепые смерти. Первая спровоцировала вторую.

– Вы побывали в самом Кенигсберге? – спросила отца Анна Ивановна, жена Лютого.

– Да, после взятия. Но раньше мне пришлось вместе с небольшим отрядом с неделю поползть по этой земле. Нас забросили в районе Гумбиннена. Это в каких-то ста километрах от Кенигсберга. Мне, как командиру отряда, была поставлена задача разведать расположение огневых средств противника и возможные подходы к ним. Мы знали, что оборона вокруг самого города и крепости глубоко эшелонирована, а на основных транспортных артериях выставлены танки. Нужно было составить подробную схему. Чем подробнее, тем меньше потерь. Нас трех офицеров и двоих крепких сержантов переодели в комбинезоны немецких строительных рабочих. Для ориентировки нам выдали топографические карты российского Генштаба времен первой мировой. Других не было.

– Но, ведь можно было произвести разведку территории с самолета, – перебил отца летчик, муж Клавдии Андреевны.

– Посылали двух кукурузников, но они не вернулись. Я думаю, и десантников посылали. Когда готовят такие операции, стараются получить сведения из разных источников. Для передвижения мы думали использовать лесистую и болотистую местности, которые были обозначены на наших картах. На деле же оказалось, что карты врут. Там, где были показаны леса, оказались немецкие деревушки, фольварки, а на месте болот животноводческие фермы с хорошо развитой сетью шоссейных дорог. Вывод: мы могли незаметно передвигаться только ночью, ведь документов у нас не было. Любой сельский полицейский мог потребовать документы.

– А как же вы питались?

– наших пайков хватило на двое суток. Днем мы прятались в стогах соломы. Одним утром мы заметили, как немецкие крестьяне, подоив коров, свозят на своих бричках бидоны с молоком на угол дороги. Промежуток времени между разгрузкой бидонов и появлением машины, которая их забирала, был не более получаса. За это время мы успевали наполнить свои фляги молоком.

– Выходит, вы воровали у немцев молоко!?! – воскликнула Клавдия Андреевна, – разве немцы такие дураки, что не замечали недолива?

– Мы брали понемногу из каждого бидона. Их скапливалось более десятка. Иногда больше двух.

– А, где вы воду брали?

– Где приходилось. Из луж, из ручейков, чаще из колодцев, – по ночам. Один колодезь чуть нас не погубил. Вытянули мы ведро, а в нем куриные яйца. Десятка три. Молоко кончилось, мы были голодными и не контролировали себя. Я отобрал ведро у сержанта, когда в нем уже оставался десяток яиц. Когда рассвело, – до нас дошло, что недостающих яиц нам не снести. Мы бежали от этого колодца, как ошпаренные. Надо было принимать решение. Это был пятый день нашего похода, и мы собрали достаточно сведений. Я и предложил этому сержанту, который выпил больше всех яиц, и еще одному офицеру отправляться к своим и доставить сведения. Солнце взошло, и надо было где-нибудь залечь. Хорошо на окраине большой деревни попался длинный дровяной склад. Бревна были сложены в высокие штабеля. Нас оставалось трое, и мы решили прятаться вместе. Нашли подходящую нишу и залегли. Проходит час, проходит другой. Мы уже стали надеяться, что пронесло, как вдруг услышали отдаленный собачий лай. Мы поняли, что это по наши души. Все карты и записи мы зарыли в землю. Сняли предохранители с пистолетов. Лай приближался. Уже слышим немецкую речь. Решили не отстреливаться, а сразу пулю в висок. И тут лейтенант, из Ленинграда, вытянул кисет с махоркой и стал махорку сдувать в щели. Каждый из нас брал щепотку махорки и сдувал ее вокруг. Слы-

шим топот сапог и лай почти рядом. Пистолеты у висков. Каждый молился Богу. Не знаю, не помню, – были ли это секунды или минуты. Вижу мой лейтенант открыл глаза. Смотрим друг на друга. Собачьего лая не слышно. Пронесло слава Богу.

Отец замолчал. Молчали и остальные. И даже двойняшки, за которыми мне поручили присматривать, удивленно поглядывали на взрослых. Чтобы снять напряжение, Анна Ивановна сказала:

– Эх, Федор Никифорович! Мы с мужем тоже молились Богу, когда удирали со Львова в июне 41-го! Слава Богу остались живы! И давайте еще раз выпьем за Победу! Пусть наши дети радуются, что мы живые!

После ухода гостей я спросил у отца, почему он не воевал летчиком. Отец был навеселе и в хорошем настроении. Он улыбнулся и спросил:

– Ты, очень хочешь это знать?

– Ты раньше мне обещал, и я уже подрос.

– Ну тогда слушай.

– Кажется это было в июне 1939-го. Тебе исполнилось два годика. Летали мы с напарником вдоль нашей границы с Польшей. Долетели до Минска. Столица Белоруссии находилась почти у самой границы. Это только в сентябре наши войска вошли в Западную Белоруссию, которая была тогда в составе Польши.

– Вы разведывали эту территорию?

– Во – во! Разведку вели! Задание мы выполнили, но не рассчитали с топливом. Ветер был встречный, когда возвращались. Пролетели над Проскуровым, уже Буг видим, и тут над самой Винницей начал глохнуть двигатель! Самолет начал резко снижаться, но мог еще планировать. До аэродрома оставалось совсем немного, но уже начался плавный штопор. Мой напарник закричал: – Федя! Прыгай! и он выпрыгнул из кабины. Мне казалось, что я смогу выйти из штопора. Ведь нас этому учили! Но, случилось непоправимое. Самолет перешел в винтовой штопор, скорость падения возросла, крылом зацепило парашют моего друга, смяло купол на высоте около ста метров. Я уже не видел, кто раньше встретился с землей. Потом в санчасти друзья рассказывали, что упали мы почти одновременно, а друга еще и придавило крылом. А потом самолет ударился носом. Возможно, его тело послужило самолету подушкой, благодаря чему я и спасся. У меня поломаны были ноги, руки, челюсти, частично позвоночник. Слава Богу мозги уцелели, а то мог оказаться идиотом. Такое случалось. Через полгода меня выписали из госпиталя с заключением медкомиссии – «к летной службе не пригоден».

– Тебя уволили из армии?

– Мне присвоили старшего лейтенанта и дали должность в штабе управления полетами. Психологически я не восстановился. Смерть друга стояла перед глазами. Вскоре перед войной меня забрали в систему НКВД. На бывших летчиков у них был спрос. Мне сказали: «Вы откомандировываетесь в распоряжение военного коменданта города Сталино». А направили меня туда, потому что я в авиацию ушел с Харьковского тракторного завода. Я знал, что такое машиностроительное производство, знал оборудование. Ведь немцы в первые дни войны усиленно бомбили промышленные центры! Надо было срочно эвакуировать заводы на Урал, в Поволжье. Этим занималось НКВД.

– Что такое НКВД?

– Народный комиссариат внутренних дел. Но во время войны этот комиссариат больше занимался внешними делами. Разведкой и контрразведкой. Из него образовался потом СМЕРШ.

– А смерш как расшифровать?

– Смерть шпионам! Правда, потом от них была смерть и не только шпионам.

– Как это?

– А вот так! Расстреливали людей и по ложным обвинениям. Война, – знаешь ли! Лес рубят щепки летят! Об этом книги когда-нибудь напишут. Главное для меня, что благодаря власти НКВД мне удалось эвакуировать тебя с сестрой и мамой в глубокий тыл. Тогда многим людям, в том числе и в Донецке, пришлось пережить фашистскую оккупацию!

– Я помню, как мы с мамой ехали долго, долго в товарном вагоне. Поезд много времени простаивал на станциях, и мама и другие женщины с трудом вылезали из вагона за кипятком. Нас даже бомбили, и все женщины молились богу. Я не помню куда мы приехали. Помню только, что нас на санях отвезли в какую-то деревню.

– Вот, когда будешь вступать в комсомол, надо будет писать в анкете: – где находился во время оккупации? Знай – это был небольшой городок Актаныш в Татарской АССР. Мама работала там в леспромхозе, и я писал вам туда с фронта письма.

– Да, я помню, как однажды мама вернулась из леса и плакала. Она рассказала мне, что их с лесником волки чуть не загрызли. Они, кажется, успели развести костер, и волки побоялись огня. Помню еще, – потолок и стены в нашей комнате были обклеены газетами, и по ночам мыши бегали по потолку и сильно шуршали. Я не спал, боялся мышей.

– Ну, мыши – не волки, чего их бояться! Вот маме было страшно! Ей было страшно, что ты и твоя двухлетняя сестричка могли остаться одни без мамы!

– Помню мама после работы каждый вечер слушала черный репродуктор, который висел в нашей комнате на стене.

– Тогда, сынок, весь народ слушал Левитана! Ведь он ежедневно, по несколько раз на день, доносил до наших людей важные сводки с фронтов. Это придавало людям уверенности в Победе. И в тылу и на фронте.

Я помнил этот голос. Его хотелось слушать. В этом голосе, как мне тогда казалось, звучала и тревога и уверенная сила: «Говорит Москва! Говорит Москва... Сегодня наши войска вели упорные бои под Ленинградом и Москвой...» Я уже не вспомню, о чем Юрий Левитан говорил дальше, но его голос, хотя я и был мал, завораживал и меня и сестричку. Мама даже переставала ужинать и просила, чтобы мы не скребли ложками по металлическим мискам.

ОДНОКЛАССНИКИ

Открою я вам, друзья одноклассники, одну простую истину: в детском возрасте, пока еще ваши души не замутнены соперничеством правительств ваших стран, и вы еще не обременены родительскими проблемами, вся ваша любовь принадлежит первым людям в вашей начинающейся жизни. Вы любите свой класс и всех своих одноклассников. Эта любовь естественна и проста. Ваш класс это ваша первая и большая семья, которой вы принадлежите на всю оставшуюся жизнь. Непроста социальные сети Интернета заполнены сайтами одноклассников. Встречи с одноклассниками, где бы и когда бы они не происходили, всегда желанны и трогательны. И забываются все обиды и злые слова, и души вновь и вновь раскрыты для объятий...

Вовка Лютый

Моим одноклассникам и друзьям, соседским мальчишкам Вовке и Женьке повезло также, как и мне, – у нас троих отцы остались живы и радовались жизни вместе со своими семьями в послевоенном Львове. С Вовкой Лютым мы жили до десятого класса в одном четырехэтажном доме. Женька жил в доме напротив, через улицу. Наша улица при поляках именовалась ул. Супинского, а при советской власти – ул. Коцюбинского. Но это разные писатели: Супинский – поляк, а Коцюбинский украинец. Это была тихая крутая улочка, взбиравшаяся от площади Пруса (польский писатель) и близлежащего Стрыйского рынка на холм Цитадель, обустроенный австрийцами крепостными сооружениями. На этой улице семья Лютых посели-

лась в сентябре 1939 года после раздела польской территории между немцами, украинцами и русскими.

Родители Вовки оба служили в мобильном погранотряде, сформированном в Харькове. Этот механизированный отряд вошел во Львов сразу вслед за советскими танками. Основное материальное имущество отряда (автомшины, разного вида оружие, ограждения для границы, обмундирование и множество других предметов) было размещено в западной части города, по ул. Городецкой недалеко от центрального железнодорожного вокзала. Приведу некоторые выдержки из статьи Д. Веденева «В преддверии великой войны», напечатанной в «Секретных материалах» №8, 2013, которые дают представление о масштабах противостояния НКВД и ОУН:

«Приказом НКВД СССР №001121 от 20 сентября 1939 года создаются Белорусский и Украинский пограничные округа, которые с 15 октября взяли под охрану государственную границу. В составе Украинского округа погранвойск (УО ПВ) действовало 9 отрядов, для их усиления перебросили 6-й Львовский, 16-й мотострелковый и 21-й кавалерийский полк оперативных войск, авиаэскадрилью НКВД. На украинском и белорусском отрезках границы сосредоточили до половины погранвойск западной части СССР. Только в 1940г. состоялось 95 боевых столкновений между ПВ и боевыми группами (боевиками) ОУН (убито 82, ранено 41, захвачено в плен 387 повстанцев, однако 111 сумело прорваться в СССР, а 417 – за границу из Украины). На пограничников возложили перекрытие каналов связи между подпольем в Украине и его руководящими заграничными центрами, пресечение перехода границы вооруженными формированиями ОУН. Лишь по обвинению в причастности к ОУН арестовали в 1940-м свыше 35 тыс. граждан. Каждый десятый осужденный получил «высшую меру».

...В сентябре – декабре 1939-го в суды передали 10000 дел на социально враждебных элементов из числа зажиточных слоев населения. Секретным постановлением правительства СССР №34 от 6 января 1941г. предусматривалось принудительное переселение из региона на Восток 60 тыс. крестьянских семейств. Утвержденная приказом НКВД СССР №0064 от 28 марта 1941г. инструкция по заграничной работе наставляла на оперативную разработку националистических организаций, создание агентурных позиций в их среде. Доклады о деятельности ОУН в Украине и за рубежом систематически шли к И. Сталину».

Отец Вовки был автомехаником, а мать вела бухгалтерию отряда и заведовала складом обмундирования. Их семье начальство предоставило шикарную по тем временам трехкомнатную квартиру в доме люкс на третьем этаже. Эту квартиру покинули богатые польские граждане, эмигрировавшие в Соединенные Штаты. Отец Вовки был классным автомехаником и к тому же разбирался и в танковых двигателях. По воскресным дням мать прогуливалась с Вовкой вдвоем по городу. Отца часто вызывали на службу и по воскресеньям.

– Смотри, Вовочка, в каких красивых домах жили польские буржуи! – восхищалась мать. А какой у них оперный театр! Мы в него обязательно сходим все втроем, когда папа будет иметь время.

Иногда с такой прогулки отец подвозил их домой на машине, имея несколько свободных минут от начальства. Отцу часто приходилось быть водителем у высоких командиров. Пока рядом в центральной Европе шла война, семья Вовки жила счастливо и относительно спокойно, если не считать одного происшествия. Вовка родился в августе 1935-го, в школу ему было рано, а во Львове детсадики для советских служащих в ту пору не было. Поэтому за Вовкой по просьбе матери присматривала дворничиха, пани Настася. Ее квартира располагалась в полуподвале. Квартира была благоустроенной, с кухней и ванной и, как все квартиры в этом люксовском доме отапливалась газом.

Пани Настася была старой девой и жила вместе с собачкой Чарусем неопределенной породы. Материнский инстинкт пани Настаси требовал заботы о живом существе. Как-то Вовка, гуляя холодным осенним утром возле дома в небольшом скверике под балконом своей

квартиры, с удивлением заметил, как из подъезда их дома выскочил Чарусь, одетый в теплую шерстяную кофту темно-зеленого цвета, контрастирующую со светло-желтой окраской собачьей шерсти. Чарусь, взбодренный густым свежим воздухом, с радостным лаем сразу кинулся к Вовке. Вовка испугался и начал отбиваться от лающей собачки ногами. Собачка разозлилась от недружественной встречи соседа и, ощеря мелкие зубы, еще громче лаяла и не отставала. Вовка заорал. К счастью в это время дворничка проветривала квартиру, и в открытое окно услышала лай своей собачки и Вовкин крик. Она через окно позвала своего Чаруся, но тот не успокаивался, пока ему хозяйка не подкинула кусок колбасы. Собачка стала грызть колбасу, и Вовка успел забежать в подъезд. Быстро, хотя и с трудом, он закрыл за собой тяжелую, с прозрачным толстым стеклом дверь. Он был не по годам рослым мальчиком и легко взбежал на свой третий этаж. Звонить по телефону матери он не стал, – ему стыдно было признаваться, что он сын пограничников испугался маленькой собачонки.

Вовка вышел на балкон и наблюдал, как Чарусь носился по скверику. Ему это надоело, и он перешел на балкон (в квартире было три балкона) с южной теплой стороны дома и стал наблюдать за полетами журавлей и других птиц в сторону югозапада. И это занятие вскоре Вовке наскучило, и он решил с кем-нибудь пообщаться по телефону. Еще не понимая смысла букв и цифр, Вовка стал крутить пальцем телефонный диск с дырочками, начиная с «0». Он набрал всего две цифры «01», и сразу же услышал мужской голос – «пожежна частына слухае». Про пожарных Вовка, как все мальчишки знал еще в Харькове, и ему вдруг захотелось посмотреть на львовских пожарных, но он не знал как это сделать. Пока он раздумывал, на другом конце телефонного провода мужской голос разволновался:

– Вас слушают! Вас слушают! Кажить адресу! Адресу швидко! Адресу кажить! – настойчиво призывал волнующийся голос. Вовка назвал улицу. – Який номер мешкання!? – орал в трубке, и Вовка, хотя и перепуганный злым голосом, назвал номер дома. Его мать заставила выучить свой адрес, несколько раз проэкзаменовав. Вовка вышел на балкон, и услышав пронзительный вой сирены с нижней части улицы, сильно перепугался. С балкона он видел, как двое пожарных в блестящих касках спрыгнули с красной машины и стали осматривать дом. Вовка заскочил в комнату, подошел ко входной двери и стал прислушиваться. За дверью было тихо. Он подошел к балконной двери, и на улице было тихо. И вдруг в коридоре раздался резкий пронзительный звонок. Вовка подбежал к входной двери, но не открывал. Снова позвонили. На сей раз звонок был долгим и тревожным. Вовка втянул голову в плечи. И снова звонок, а после него раздался голос пани Настаси:

– Влодзю! Видкрый нам будь ласка! Влодзю, не бийся, видкрывай! – узнав голос дворнички, Вовка открыл дверь. В прихожую вошли сразу трое, дворничка и пожарники. Дворничка включила освещение. Высокий пожарный стал заглядывать по комнатам. Заглянул на кухню, в ванную и даже в туалет. Потом он подошел к Вовке, положил свою огромную ручищу ему на плечо, присел, и заглядывая Вовке в лицо, сказал:

– Не можна, дзэцько бавичь так з телефоном! Розумишь? – у пожарного была добрая улыбка на лице, и Вовка ответил:

– Я больше не буду вам звонить...

– Ну, и добре! Чэкай на свою матку – Влодзю! Я зараз повернусь! – сказала пани Настася, выходя вместе с пожарными. Дворничка вскоре вернулась, сварила яйца, и они с Вовкой позавтракали и попили чаю.

Эту историю рассказал мне Владимир Михайлович Лютый, мой одноклассник и мой сосед по дому во Львове с 1946 по 1955 годы. Он приезжал ко мне в Керчь из Воронежа в 2007-ом на мое семидесятилетие. В августе 2015-го я поехал в Воронеж на восьмидесятилетие Вовки. Там он рассказал другую историю, которую мог рассказывать в школе, и которую я или забыл, или не слышал ранее. Это была его львовская история о памятном для нашего народа дне 22-го июня 1941-го.

«-Отца и мать еще ночью вызвали по телефону на службу. В квартире я остался один. Из-за перебитого ночным уходом родителей сна я проснулся поздно. Разбудил меня сильный гул и дрожание оконных стекол с южной стороны дома, в комнате, где спал. Я вышел на балкон. Солнце уже было высоко, и в сторону Солнца по небу плыла темная гудящая туча. В городе были слышны взрывы авиабомб. Это были сотни самолетов больших и малых. Все они двигались в сторону Солнца, на восток. Я сильно перепугался и стал звонить матери на работу. На мой звонок трубку никто не поднимал. Потом ко мне поднялась пани Настася.

– То ест война, Влодзю! – сказала она, входя в квартиру, – чекай на тата и маму, не выходжи з мешкання ниц ни куды! – Предупредив меня об опасности, дворничиха ушла.

– В этот день до приезда родителей, я насчитал три или четыре тучи самолетов, шедших на восток. Они шли эшелонами, один за другим все утро. Было страшно. Родители приехали взволнованными и весь вечер до сна упаковывали вещи, обсуждая стрельбу в разных районах города. Рано утром, уезжая на службу, отец мне сказал, чтобы я никому не открывал дверь и не выходил на балконы. Он сказал, что скоро за мной приедет. Он приехал уже через час и стал выносить упакованные тюки. Отец нервничал.

«– Сынок, Германия напала на нашу страну! Нам надо срочно уезжать из города! По всему Львову идут бои между бандеровскими отрядами и милицией! На нашу с мамой базу дважды пытались проникнуть вооруженные люди» – сказал отец, уже стоя с тюком на лестничной клетке.

– Как будто это было вчера, и не со мной! Все помню! – воскликнул Вовка. – Помню, как поднявшись в квартиру, отец громко прокричал:

«– Все, Володя, надо уезжать! По нашей машине уже стреляют из окна соседнего дома!» – отец взял еще какой-то мешок, схватил меня за руку и, когда мы спустились по лестнице, предупредил:

«– Володенька! Внизу при выходе из подъезда я выйду первым, а ты жди, когда я тебя позову! Боже тебя упаси! Не высовывайся из подъезда, пока я не позову!».

–Внизу, в подъезде, отец поставил мешок на пол и достал из кобуры пистолет. Потом он схватил левой рукой мешок и, прикрываясь им выскочил из подъезда. Я видел через стеклянную дверь, как отец быстро пробежал мимо окна дворничихи, открыл дверцу черной эмки и кинул мешок в машину. С противоположной стороны улицы сверху прозвучал выстрел. Отец выстрелил в окно второго этажа трехэтажного дома, который примыкал к дому Женьки Костинова, и махая мне левой рукой, крикнул, чтобы я выбежал. Пока я бежал к машине, отец еще раз выстрелил по окну. Он быстро открыл переднюю дверцу и воткнул меня как котенка в машину.

«– Ложись на дно и не поднимай головы!» – скомандовал отец.

–В это мгновение раздался выстрел, и пуля попала в лобовое стекло. Отец дважды выстрелил в окно, быстро сел за руль и выехал на середину улицы. Еще одна пуля пробила крышу машины, никого к нашему счастью не задев. Наша машина рванула вниз по Коцюбинского. Проехав площадь Пруса и выскочив на улицу Франка, отец увеличил скорость. Хорошо, трамваи не ходили, и особых препятствий не было. В районе Подвальной пришлось сбавить скорость. Там после костела Бернардинцев улица петляет. В этом районе нашу машину обстреляли. Ведь черные эмки были только у советских служащих. По Городецкой мы снова быстро помчались, и перед самыми воротами погран отряда, когда отец сигнализировал, чтобы открыли ворота, машину снова обстреляли, и было разбито заднее окно.

Во дворе было много людей и военных полуторок. Грузили на машины большие ящики, мешки, кипы всяких бумаг. Возле закрытых ворот, стоя на ящиках, пограничники стреляли из винтовок и пистолетов по улице. Территория погран отряда была похожа на осажденную крепость. Стреляли со всех сторон: и с улицы Шевченко и с улицы Городецкой. Отец подъехал к какому-то грузовику, вытащил меня из машины и приказал дожидаться мать, а сам умчался в гараж.

Прошло несколько долгих для меня минут ожидания. Ни отец, ни мать не появлялись. Машина, возле которой меня оставили, была уже загружена. Из ворот со стороны ул. Шевченко начали выезжать груженные полуторки. По ним стреляли. Пограничники прикрывали выезд пулеметными очередями. Меня схватил какой-то мужчина и запихнул в кузов между задним бортом и конторским столом. В кузове уже находилось несколько человек. Было тесно, мои колени упирались мне в лицо. Пошевелиться я не мог. Болела спина, прижатая к борту. Но я мог видеть, как наша машина петляла вдоль Подвальной, а потом выехала на Лычаковскую.

– На Подвальной вас обстреливали?

– Нет. Впереди колонны ехала машина с пулеметчиками, и бандеровцы попрятались. В те дни у них не было пулеметов, иначе наши машины не добрались бы до Киевского шоссе.

– Как ты думаешь, кто стрелял в вас возле дома? Это был бандеровец или поляк?

– Скорее всего поляк, не захотевший выехать из Львова. Они в начале войны сильно враждовали с нашими. Отец говорил мне уже после войны, что их базу на Городецкой атаковывали и поляки. Им нужно было оружие. Во время войны человеку с ружьем спокойнее.

– Я читал книги львовских историков, появившиеся после развала Союза, их авторы писали, что батальон Шухевича «Нахтигаль» вошел во Львов где-то в конце июня, числа 29 – го. Откуда во Львове 22-го появились бандеровцы? Их же до прихода Шухевича не было. Этот, его батальон занимался массовыми расстрелами советских граждан.

– Те, что в нас стреляли могли и не быть оуновцами. Возможно это были поляки. Оружия у населения было много еще с первой мировой. Чьих-то родственников советские власти могли репрессировать, и люди мстили как могли. Ну, вот давай я тебе расскажу, что со мной было дальше. Наша автоколонна двигалась вверх по Лычаковской. Помню, что людей на улице почти не было видно. Когда машины добрались до верхней части улицы, напротив костела Божьей Матери нас обстреляли.

– Это стреляли, скорее всего, поляки из костела?

– Не знаю, но стреляли с левой стороны. Стреляли еще несколько раз, пока мы не выехали за городскую черту. На Киевском шоссе среди полей машины остановились на обочине. Люди стали спрыгивать с машин. Меня вытянули из моей норы и поставили на ноги. Но мои ноги, пока мы ехали, были вверх ступнями, почти в вертикальном положении, кровь к мышцам поступала плохо. Я ног не чувствовал, и когда меня поставили, – я упал, как подкошенный.

«– Санитара, скорей сюда санитар, ранен ребенок!» -закричала женщина, которая видела, как я упал. Вокруг меня собралось много людей. И тут я услышал голос мамы:

«– Вовочка! Сыночек! Живой! Слава Богу!»

Меня осмотрел подошедший врач. Он убедил мать, что никаких ран у меня нет. Он поднял меня с земли и труханул несколько раз. Потом помассировал ноги. Я сам встал с земли и уже мог держаться на ногах. Мать отвела меня в другую машину и посадила на скамейку рядом с собой. Дальше мы ехали вместе. В районе Тернополя нас обстреляли. Офицер, ехавший с нами, сказал, что это могли быть поляки. И только после Подволочиска, когда мы оказались на старой границе между Польшей и СССР, мать и другие женщины перекрестились и успокоились. Ведь в Тернопольской области было особенно много польских националистов. Там до сих пор по селам живут поляки.

– Что было потом?

– Подробности я не вспомню. Отец рассказывал, что наши машины добрались до самого Харькова. По дороге несколько раз нас обстреливали немецкие самолеты. Меня определили к нашим харьковским родственникам, а погранотряд влился в состав Юго-западного фронта. Харьков несколько раз переходил то к немцам, то к нашим. Каким-то образом мать успевала навещать меня. Помню, что я при этих коротких встречах всегда плакал.

– Как вы в сорок пятом оказались снова во Львове?

– Не в сорок пятом, а в июле сорок четвертого. Погран отряд вместе с войсками вошел во Львов. Когда после Сталинграда стало ясно, что Германии капут, и фронт безостановочно двигался на Запад, родители забрали меня от родственников и вместе с ними я оказался во Львове. Интересно то, что мы не только заняли нашу квартиру на Коцюбинского, но и пани Настася продолжала жить в своей квартире. Она рассказывала, что в нашем доме во время немецкой оккупации жили в основном поляки, а вот в нашей квартире жили немецкие офицеры, которые служили поблизости в Цитадели, где размещался концентрационный лагерь для военнопленных со всей Европы. В этом лагере было и много наших, которые попали в плен в 41 – ом. Настася матери рассказывала, что в доме с одиннадцатым номером, тот огромный П-образный дом с большими шикарными квартирами, который австрийцы построили для университетской профессуры, – помнишь? – жило высокое немецкое начальство. А перед их праздниками или перед приездом высокопоставленных чиновников, пани Настасю и других дворников немцы заставляли не только чисто подметать улицу и тротуары, но и тщательно мыть их с мылом. Они выдавали дворникам свое какое-то специальное мыло. Представляешь, как немцы боялись заразы!

– Володя, не удивляйся! Это была не прихоть немецкого начальства, а вынужденная процедура, по крайней мере для улицы Коцюбинского. Ведь на Цитадели немцы испытывали на заключенных бактериологическое оружие. Они разрабатывали неизлечимую форму паратифа. А носителями этого тифа были вши, которых выращивали в спецлаборатории, в том самом двухэтажном чистеньком корпусе, на холме под башней!

– Откуда ты это знаешь?

– В школе я мало интересовался историей Цитадели. До 1950 – го на ее территории располагалась воинская часть, если ты помнишь. Вместе с уличными мальчишками мы в летние вечера ходили на Цитадель. Находясь среди солдатской массы, пропахшей потом и махоркой, сквозь табачный дым, мы с интересом смотрели трофейные кинофильмы. Меня тогда впечатлил американский фильм «Сети шпионажа», где один из персонажей стреляет в сигарету, находящуюся во рту своего врага, и точно отстреливает ее половинку. Эффектный был выстрел.

– Этот фильм показывали в кинотеатре «Днипро».

– И в других кинотеатрах. Я его еще раз смотрел в «Украине». Типичный голливудский кассовый фильм. Но я о том, что в корпусе, который после войны входил в состав поликлиники МВД, ты лежал в году семьдесят пятом или позже. Кажется у тебя были проблемы с сердцем, – и я навещал тебя в этой больнице. Ты лежал в палате на втором этаже. Было такое?

– Было. Кажется, это был семьдесят восьмой. Я тогда повздорил с партийным идеологом обкома партии. Мне пришлось опечатать несколько пожароопасных помещений в оперном театре, а он требовал, чтобы я отменил свое решение. Я ему говорю, что он требует от меня нарушения закона, на что я не могу согласиться, как должностное лицо, а он гнет свою линию партии, и называет меня саботажником, который срывает какие-то там его мероприятия. Меня вызвали в главное управление МВД во Львове, ну ты знаешь, – это массивное здание напротив университета по улице Горького. В высоком кабинете уже генерал МВД требовал, чтобы я отменил свое решение. Мы сильно разругались с моим генералом. Он даже вызывал охрану с оружием, чтобы утихомирить меня. Уж не помню, как я вышел из его кабинета! После этой ссоры с высокими начальниками мне пришлось инспектировать помещения тюрьмы, что на улице Мира, это в центре, напротив политехнического института. Меня сопровождал знакомый мне офицер. Мы вместе заканчивали училище. Он записывал мои замечания к себе в журнал, мы спокойно так общались, вспоминая наших преподавателей. Потом он заводит меня в какую-то пятую или седьмую по счету камеру и говорит мне:

«Владимир Михайлович, посмотри какая камера! С окном, через которое попадает не только свежий воздух, но и солнечный свет. Посмотри, абсолютно сухой пол, и крыс нигде не видно!»

– При чем тут твои тюремные крысы, Владимир Антонович?! Что за шутки?

«Это не шутки, Владимир Михайлович, – отвечает мой знакомый. Эту камеру наш генерал велел нам никем не занимать в течение двух недель. Эту камеру он приказал приготовить для тебя!»

– Какой заботливый командир у нас с тобой, тезка! – отшутился я, а у самого сердце схватило, и в голове все прошедшие ссоры с начальством всплыли. Пришел я домой, рассказал все жене, а потом пожалел. И жена меня не поняла

«Какой же ты у меня упрямец, Володя! Одни неприятности с тобой!» Плачет. Вот тогда и пришлось, Вадим, ей вызывать скорую, и меня отвезли в эту больницу. Вот так, я чуть было не угодил в тюрьму, имея грамоты и награды за отличную службу.

– У вас там в МВД, наверное, каждый третий – с инфарктом?

– Этого я не знаю, но среди моих сослуживцев – я не первый. Работа у нас такая. С одной стороны постоянное ожидание с внешней среды опасности вызывает стресс. С другой стороны внутренние разборки с подчиненными и высшими начальниками здоровья не прибавляют. У нас ведь, как в армии, – кто старший чином – тот и прав. Есть поговорка: «Я начальник – ты дурак, – ты начальник – я дурак». Логично. Не зря на пенсию из армии отправляют раньше, чем с гражданских профессий.

– Влодзю! Если не возражаешь, – продолжим тему Львова после освобождения его нашими.

– О, ты назвал меня по-польски!

– Вот о них и вспомним. Много ли было поляков во Львове, когда вы вернулись в город в 1944-ом?

– Разве я ребенком, мог об этом знать? Хотя, погоди! В квартире на четвертом этаже, в которую твои родители въехали в 1946 – ом, точно жили поляки. Их было двое – пожилая пара. Когда мы с матерью ходили в кинотеатры, я часто слышал польскую речь. Во многих магазинах продавцами были поляки. Помню, как-то мать меня взяла с собой на вещевой Краковский рынок, который был за оперным театром, – мать покупала мне пальто у молодой полячки. Так, что поляки были. Трудно сказать сколько их было, ведь многие украинцы тогда разговаривали на польском. Еще вспомнил: в первое лето к нам во двор приходили бродячие польские музыканты. Они пели свои веселые песенки про Львов и Варшаву.

– О, это и я помню! Они и следующим летом появлялись. Один седой поляк пел даже арии из опер, аккомпанируя себе на скрипке. Мне запомнился страстный призыв певца к «Баядерке». Женщины, слушавшие певца с балконов, бросали ему деньги, а он их благодарил, снимая шляпу с головы. За время оккупации фашисты уничтожили много поляков. У нас на заводе п/я 125, где мы работали с Юрой Волковым, (завод производил электронную аппаратуру для космоса), был слесарь Федак. Лицом и характером вылитый поляк. Среди украинцев много было ополяченных. Он рассказывал о первой встрече с немцами во Львове. Они схватили его при облаве на Краковском рынке. Лицо подвело. Попавших в совместные сети немецкой и украинской полиции евреев и поляков погрузили на огромные автомашины фирмы «Ман» и повезли по ул. Шевченко вверх, мимо Яновского кладбища в урочище в конце трамвая семерки. Всех людей пешим порядком привели к глубокому оврагу и выстроили в две шеренги. Федак говорил, что было их чуть ли не пол тысячи. На двенадцати машинах везли. Вдоль шеренги спереди и сзади курсировали полицейские с овчарками. Из группы офицеров вышел длинный немец и скомандовал на украинском языке: «всем евреям построиться на левом фланге, а полякам на правом». Когда люди разобрались, – рассказывал Федак, – украинцев осталось стоять на месте человек тридцать. У всех этих людей не было разрешений коменданта, которые немцы выдавали далеко не всем львовянам. Люди не спешили получать разрешения в первые дни оккупации. Вот немцы и устроили такую акцию устрашения. Длинный немец подходил к каждому украинцу и требовал предъявить разрешение коменданта или

документ, подтверждающий национальную принадлежность. У многих не было никаких документов, и немец по своему усмотрению отправлял человека, и мужчин и женщин к евреям или к полякам.

«К моему счастью, – рассказывал Федак, – у меня в кармане оказалось удостоверение члена галицкой футбольной команды «Сокол». Я его показал немцу. Немец долго сравнивал фотографию с оригиналом, и усомнившись, подозвал украинского полицейского. Полицейский сказал, что «Сокол» – это действительно украинская галицкая футбольная команда. Немец скривил физиономию и отдал мне удостоверение. После этой проверки нас осталось в основном мужчин человек пятнадцать. Нас построили и отправили во Львов. Кто-то запел патристическую песню. Все дружно ее подхватили. Мы еще не дошли до трамвайного кольца, как раздалась автоматные очереди. Всех до одного немцы расстреляли».

– Вадим, немцы расстреливали евреев в еврейском гетто, которое они организовали за железнодорожным мостом, в районе клуба трамвайщиков, имени Н. И. Кузнецова.

– Это не совсем так. Не могли немцы производить массовые расстрелы почти в центре города. Ведь из ста тысяч евреев – жителей довоенного Львова, – не все они успели выехать. К приходу немцев только богатые евреи покинули Львов. В первые же дни немцы взорвали центральную львовскую синагогу «Золотая роза».

– Не слышал про эту синагогу. Это где-то на Московской улице? – Нет. Это в средневековом еврейском квартале, в районе ратуши, по ул. Сербской. Массовые расстрелы немцы обычно производили за городом. Это урочище за Яновским кладбищем, в лесных оврагах на Кайзервальде и на других пустырях.

– Ты забыл про Винниковский лес. Там немцы расстреляли перед приходом наших во Львов несколько тысяч итальянских военных, которые отказались им служить. Ты вспоминал о каких-то вшах?

– Да. Про них рассказывал один кэгебист, который ходил к нам в гости. Там, в Цитадели, немцы на военнопленных европейцах испытывали действие смертельного паратифа.

– У твоего кэгебиста был инфаркт?

– Инфаркта не было. Было хуже. Он по какому-то злему року судьбы потерял после войны всю свою семью. Сначала погибла жена в ДТП. Потом погиб во Вьетнаме сын. Потом дочь погибла в авиакатастрофе. Прямо над Львовом столкнулся рейсовый самолет из Москвы с военным истребителем. Но это отдельная тема. Я про Цитадель. У львовского историка, Тараса Пиняжко, описываются условия содержания французских военнопленных в Цитадели. Он изучал французские документы. Правда о смертоносных вшах он не пишет. Он описывает побег французов из Цитадели. Французским заключенным разрешалось ходить по лагерю в своей военной форме. Поздно вечером один француз, надев на голову пилотку немецкого водителя, сделанную из бумаги, подошел к часовому гаража и сказал, что начальник лагеря приказал подать машину к его канцелярии. Часовой позволил французам вывести легковую машину из гаража. По дороге на КПП в легковушку вскочили еще трое французов в бумажных офицерских фуражках. Часовой не стал приглядываться к лицам пассажиров, и машина быстро выехала на Стрыйское шоссе. Немецкая транспортная полиция выловила машину только через четыре дня. В районе Стрыя французы долго блуждали в поисках дороги через Карпаты. Беглецов снова вернули в Цитадель. Побег дал им четыре дня приключений и свободы.

– Рассказ твоего историка похож на волнительные сцены из французского или голливудского кинофильма!

– Французы совершили еще один побег, но этот побег был неудачным и трагичным. Беглецы по подземным канализационным трубам вышли через канализационный люк в верхней части нашей ул. Коцюбинского, но вынуждены были в схватке с часовым застрелить его. Они забаррикадировались в угловом доме по улице Мохнацкого, напротив подворья, где сейчас расположен корпус полиграфического института. Французы с третьего этажа отстреливались

всего лишь день. Их обложила лагерная охрана со всех сторон. Их всех немцы застрелили. Кстати, Володя, ты помнишь этот корпус полиграфического? Ты же был в нем с инспекцией, кажется в 1982-ом. Ты был в военной форме, – высокий, атлетически сложенный капитан. Был перерыв занятий, ты стоял на проходной и беседовал со мной и Витенькой Морозом. Студентки обстреливали тебя восхищенными взглядами. Помнишь это событие?

– Ну, конечно, помню. Я тогда еще вашему заведующему кафедрой сделал предписание – убрать все чертежи и студенческие работы с чердачного помещения.

– А ты помнишь, что находилось примерно до 1947-го в полуподвальном помещении этого корпуса?

– Не совсем. Я только слышал, что в 1939-ом это было какое-то общежитие и, что в нем проживал на первом этаже Степан Бандера (1909-1959). И, несмотря на его малый рост, к нему ходило много девушек.

– Эту байку про Бандеру я тоже слышал. Если помнишь, мы играли там в футбол на детсадовской площадке. Кто-то из пацанов проник через окно в полуподвальное помещение этого общежития. Он вылез оттуда с ракетными патронами. Он еще сказал, что там много винтовочных патронов и гранат.

– Да, я вспомнил! Мы тогда сделали костер и бросили в него ракеты. Взрываясь, ракеты чуть ли не залетали в окна соседнего дома, где жил Ленька Антонов. В полуподвале общежития был, вероятно, бандеровский арсенал. Ведь, приходившие в это здание к Бандере, девушки в своих сумочках могли приносить все те патроны и гранаты, оставшиеся после изгнания немцев из Львова. Просто у властей не доходили руки, чтобы убрать их. Кстати это было общежитие для украинских студентов. Его построили перед Первой мировой войной на деньги львовских украинцев.

– О бандеровском арсенале, твоя догадка не лишена логики. Но ты забыл еще сказать, как после запуска ракет приезжала пожарная машина, а мы все разбежались. Ленька Антонов говорил на следующий день, что пожарных вызвала его мать. Они со своей сестрой видели из окна кухни, как мы жгли костер и слышали выстрелы.

– Еще я помню, что там на горке возле южной башни Цитадели, в одном из колодцев нашли мертвого новорожденного. Было много милиции. Потом выяснили следователи, что ребенка родила воспитательница детсада. Установили даже отца ребенка. Им оказался наш солдат с Цитадели, где после войны располагалась воинская часть.

– Конечно, я это помню. О этом и пани Настася моей матери рассказывала, и все женщины нашей улицы судачили об этом. Кажется судили воспитательницу, а солдата отправили в штрафбат. А ты помнишь, сколько кинофильмов мы по вечерам вместе с солдатами этой части пересмотрели?

– Я вспомнил, показывали наш фильм «В шесть часов вечера после войны». Там были кадры, как немецкие врачи из наших детей кровь выкачивали. Я хорошо помню те летние теплые вечера, когда крутили на открытом воздухе кино на экране из простыней. Солдаты, лежа на чем попало, прямо на земле, курили махорку. Иногда стоял такой дым, что плохо было видно, что творится на экране. Сзади орали: «Кончай дымить». И я помню, что нас мальчишек, незаконно проникших на территорию военной части, гоняли дежурные офицеры. Они выгоняли нас с сеанса, когда было слишком много пацанов. Солдаты пытались прятать нас от офицеров.

– Ты помнишь, Вадим, наши походы на бассейн «Динамо»?

– Конечно. Мы собирали денег на один, два билета, чтобы получить закрывающуюся кабинку для одежды. Остальные пацаны перелезали через забор, который был затенен высокими кустами.

– Я один раз участвовал даже в соревнованиях. Это было в шестом или седьмом классе. Я пошел на бассейн тогда один, остальные из нашей компании не пошли потому, что был пас-

мурный день. Спортивные школы разных обществ соревновались за командное первенство в городе. Я видел, что ребята плавали плохо. Особенно вторые пятьдесят метров. Оставался последний заплыв. Я подошел к восьмой дорожке оттолкнул мальчишку, стоявшего за тумбочкой, и сказал, что я поплыву вместо него. Главный судья увидел непорядок и подошел к нам. Он спросил меня, кто мой тренер. Я сказал, что тренера у меня нет, но, что я могу проплыть стометровку лучше всех. Судья, это я узнал потом, был председателем общества «Динамо» и, кажется, хорошим педагогом. Он спросил, сколько мне лет, внимательно осмотрел меня с ног до головы; я в четырнадцать лет имел уже метр семьдесят, и он сказал, что я могу проплыть дистанцию один после последнего заплыва. И я поплыл один, на боку, Тогда был такой стиль, но потом его упразднили. Когда я вылез из воды, ко мне подскочили тренеры. Они стали приглашать меня в свои секции. Они даже мне предлагали какие-то призы. Этот главный председатель тоже предложил у него заниматься, и я пошел к нему. Я ходил плавать в закрытый бассейн в спорткомбинат, что на улице Руставели. Через год я уже сделал второй разряд, а потом и первый. Плаванье мне помогло в училище занимать призовые места по пятиборью.

– Отчаянным ты был парнем, Володя! Это ж надо было, не стесняясь взрослых на виду у зрителей вмешиваться в ход соревнований!

– Я был уверен, что проплыву лучше!

–Но ты, что не понимал, что ты обижал мальчишку?

–Иногда надо показать характер! А мальчика я не обижал, я его просил уступить мне место.

– На правах сильного? Мне тоже в школе приходилось выяснять отношения. О чем-то мы повздорили с Борисом Скорняковым. Договорились драться до первой крови. И вот пошли подальше от школы в Стрыйский парк. Человек десять в его группе поддержки, и человек семь у меня. Борис пользовался в классе большей популярностью, кроме занятий боксом, он еще стихи писал. Через три, четыре минуты он расквасил мне нос, у меня потекли кровавые сопля, и наш бой прекратили за явным преимуществом Бориса. Впоследствии он стал чемпионом города в среднем весе. Потом, по прошествии десятка лет после школы, он уже был на оперативной работе в КГБ.

– Я помню, как Борька стихи читал на смерть Сталина в школьном актовом зале. Это, кажется был восьмой класс. Он тогда своими эмоциями у многих из нас вышиб слезу. Я тоже плакал.

–Это было в марте 1953 – го. Точно, в восьмом классе. Борис читал свои стихи, и там помню были слова о том, что «...Светоч мира угас». Он на всех торжественных собраниях читал свои стихи. Заводной он был. Ты помнишь, как он вскочил из коридора в класс, и выпучив глаза, заорал: «Пацаны! Баб ведут!». Это было в начале последней четверти. Девочек к нашим одноклассникам Семен Семенович привел из соседней школы. Класс тогда притих. Сначала вошли пять девочек в коричневых платицах и белых, накрахмаленных передничках. Потом вошел Семен, поставил девчонок полукругом возле доски, подошел к столу и объявил:

«Так, гусары и джентльмены, прошу встать и поприветствовать ваших одноклассниц. Теперь они будут учиться с вами. Прошу не обижать». – Мы с грохотом откинули металлические сидения польских парт и стояли по стойке смирно, а Семен продолжал:

«Позвольте представить наших новеньких: Надя Михальчук, Света Пантелеева, Юлия Чечурина, Валя Сенина и Оля Егорова». -Семен положил список на стол и потребовал: – «Пусть они сядут за те парты, где захотят, а вы уступите им места».

Девчонки скромно расселись за свободные две первые парты, а самая улыбчивая из них, Юлия Чечурина нашла свободное место на задней парте. Семен начал урок. Вот не помню, – это был урок литературы или русского языка?

–И я не помню, какой это был урок. Помню только, что передо мной сидела Надька Михальчук, а мы с Васей Ананиным в конце урока стали дергать ее за косы. Вася справа, а я

слева. Она хотела обернуться, но не смогла. После звонка на перемену она обозвала нас идиотами.

– Володя, почему вы с Васей не приставали к Вале Сениной, -она же сидела рядом с Михальчук?

– Почему, почему...Валя нам показалась самой строгой из них. Если ты помнишь, – она же была круглой отличницей и хорошо плавала! Но потом в десятом мы с Васей ухаживали за Валентиной. Вася играл на гитаре. Даже дрались из-за нее. В конечном счете она выбрала Васю. Они поженились сразу после школы, когда Вася был на первом курсе Харьковского летного училища. А меня в летчики, как ты знаешь не взяли из-за зрения. О нашей драке даже Семен знал. Он тогда подколот нас, обозвав «Необъезженными жеребцами».

– Да, школьные годы – это лучшее, что было в нашей жизни. А какие были учителя?!

УЧИТЕЛЯ

В первые послевоенные годы многие учителя мужчины приходили в школу в военной форме, без погон. Физкультуру и военное дело с седьмого по десятый вел у нас Яков Александрович Розенштейн. Несмотря, на его малый рост и непрезентабельный вид, кривые ноги кавалериста, искалеченный лысый череп и вставные зубы, – он пользовался большим уважением, как у школьников, так и среди учителей. Он был фанатиком спорта и привил нам любовь к гимнастическим снарядам, которых в спортзале школы по тем бедным временам было в избытке. И перекладина, и брусья, и кольца, и любимый его конь – все было в рабочем состоянии благодаря его усилиям. Его заботами в школе были и лыжи. В снежные львовские зимы с небольшими морозами, мы на уроках физкультуры с удовольствием катались с гор близлежащего парка «Железные воды». Он научил нас обращаться с «Калашниковым», и в армейской службе многим это помогло.

В пятом классе началам алгебры, а потом биному Ньютона, мнимым и комплексным числам обучала нас Тамара Трофимовна Примак. Удивительно, но этой скромной маленькой женщине до 35-ти, с проблеском седины в черных волосах, одетой в строгий костюмчик с орденскими ленточками, удавалось на своих уроках держать тридцать мальчишек в полном повиновении и тишине. Тогда к орденам и медалям молодежь относилась уважительно. Но заслуга ТТ, как мы коротко называли свою математичку, была в другом. Она была педагогом от Бога. Ни одного оскорбительного слова к самому неуспевающему ученику. По несколько раз могла объяснять элементарные формулы и даже таблицу умножения. Ее бархатно арахисовый голос завораживал. Она великолепно рисовала мелом сложные геометрические фигуры и давала время срисовать их с доски ученикам. Вот только с тригонометрией ей не очень повезло. Она так и не добилась от нашего класса полного усвоения тангенсов с арктангенсами и прочих синусов с косинусами. Но это была не ее вина. Объемов памяти у некоторых одноклассников было недостаточно. Сложные контрольные по математике в выпускном десятом классе не всем удавались. ТТ была старательным учителем, за это мы ее уважали и любили.

Целый год проходил в военной форме историк старших классов Павел Андреевич Курбатов, бывший замполит партизанского отряда в Белоруссии. Его рассказы о диверсиях на железных дорогах слушали в полной тишине, хотя он говорил тихим голосом. Он увлекал нас историями героев Древней Греции и Рима. Рассказ о спартанском мальчике, прятавшем в гимназии лисенка под рубашкой, и выдержавшего в строю и укусы и когти звереныша, запал в ребячьи души. Многие задавали себе вопрос: «Выдержал бы я те боли, которые испытывал спартанский мальчик, не пошевелившись в строю?»

Физик старших классов Максим Леонтьевич Винокуров приходил в школу в зеленом кителе и синих форменных брюках. Высокий, красивый чернобрый мужчина с проседью, часто хватался за нижнюю челюсть (результат контузии), и отворачиваясь вправлял ее. Большинство учеников относились к вынужденному перерыву сострадательно и сидели молча

за столами физического кабинета, устроенного в виде амфитеатра. В каждом послевоенном классе были неблагополучные ребята. Однажды, вертлявый Ваня Доброхотов, прогульщик и спорщик, во время вынужденной болезненной паузы физика хихикнул. Максим Леонтьевич застонал, обернулся, схватил со стола ящичек с гирьками, разновесками, и пульнул его в то место (середина амфитеатра), где сидел Ваня. Мы успели закрыть головы руками от разлетавшейся «учебной шрапнели». Никто не пострадал. Физкультурник Яков Александрович воспитал на своих уроках отличную реакцию у учеников.

Французскому, а потом с девятого класса, и латинскому языку, нас обучал Норберт Перцович Вейстрах. Редкое отчество, редкая фамилия. Школьники величали его просто: француз, иногда – Перец. Он знал и немецкий, и кажется, был военным переводчиком. В девятом классе от Норберта Перцовича мы слышали вопрос:

«Поднимите руки, кто читал произведения Оноре Бальзака?» – Поднятых рук не было. – «Неучи! Скажите мне, пожалуйста, как я должен с вами изучать язык великой европейской литературы?» – посетовал француз.

Он тоже приходил в школу в форме и в хромовых сапогах. Его синий френч и галифе были пошиты гражданским портным под модную тогда военную форму. Воевал ли он? Мы не знали. Запомнился он тем, что любил проводить расследования наших шалостей. Одно время я целую четверть сидел с Виталиком Рыльниковым, который посещал химический кружок. Из глицерина, марганцовки, Бертолетовой соли и йода он научился делать горючие вещества. В магазине, в очереди, он подбрасывал какой-нибудь женщине в сумку пакетик с порошком, который через минуту воспламенялся. В очереди начиналась паника. Мы стояли недалеко от магазина и «балдели». Однажды в школу он принес какой-то порошок и перед уроком французского рассыпал его возле доски. Норберт Перцович любил расхаживать во время урока вдоль доски пружинистой походкой, заложив руки за спину, и при каждом шаге он как бы перекачивался с пятки на носок в своих великолепных сапогах. При такой походке подошвы его сапог сильно вдавливались в пол.

Начался урок. «Француз», поздоровавшись с нами, сел за стол и начал опрос, который длился минут двадцать. О, насыпанном на пол, порошке знали только я и мой сосед «химик». Мы уже решили, что затея позабавить класс была напрасной, потому что учитель начал объяснять новый материал, продолжая сидеть. Он объяснял какую-то форму прошедшего времени. Наконец, ему понадобилась доска, и он подошел и начал писать на доске. Он писал, и продолжая стоять у доски объяснял. А время шло. И, когда уже оставалось минут десять до конца урока, он начал надиктовывать предложения на французском, широко шагая своей плывущей походкой. Он дошел до стены, и артистически круто развернулся. Подошвой он растер коварный порошок, и тут раздался взрыв. Из-под его ноги выскочили искры. Вздвогнув, Перец прошел вдоль доски, напряженно всматриваясь в лица своих учеников. Эффект был неожиданным. Каждый шаг Норберта Перцовича сопровождался взрывным хлопком, хотя и негромким, но резким. Девчонки, сидевшие на первых партах завизжали. Кто-то захохотал. С задней парты раздался клич: «Пацаны, уносим ноги!» Француз на несколько секунд остановился в растерянности, потом овладев собой, осторожно подошел к столу. Был один хлопок. От бессильного гнева лицо его было перекошено. Видимо, такой позор с ним случился впервые. Он медленно, но угрожающе процедил сквозь зубы: «Если эти негодяи сейчас же не признаются, я вынужден буду обратиться в милицию!» Мы с Виталькой слегка сдрейфили, и я подумал, как хорошо, что об этой проказе знали только мы с ним вдвоем. Тут прозвенел звонок на перемену, захлопали дружно сидения парт. Ученики разом встали, намереваясь покинуть класс.

– Я никого не отпускал! Сядьте пожалуйста! – потребовал Норберт Перцович. – Пусть признаются те, кто напакостил в классе, и вы пойдете на перерыв. – Класс сидел молча. Мы с Виталькой даже не переглядывались. Перец продолжал давить на психику:

– Я так и знал, что это сделали трусы! – сказал он, саркастически улыбаясь. – Ладно, идите уже! Не должны быть напрасно наказаны те, у кого совесть чиста, – заметил он, выдержав паузу. Виталик дистанцировался от меня на перемене и даже до конца уроков не заговаривал со мной.

Наш классный руководитель Семен Семенович пришел в класс к концу последнего урока. Он продержал нас все 45 минут, своего «воспитательного» часа. Он добивался того же признания, что и Норберт Перцович. Он сменил тактику допроса и стал обращаться по фамильно.

– Мурзенко, признайся, – это твоя работа? Я же помню, как на прошлой неделе у тебя в кармане на моем уроке загорелась киноплёнка! Весь класс был в дыму, и ты чуть не сорвал урок!

– Я плёнку выбросил в окно, чтобы она не дымила. Я урока не срывал. Она случайно загорелась! – оправдывался Мурзенко.

– Зачем ты эту плёнку вообще принес в школу? – наседал Семен. – Колесников ты, как считаешь, – это Мурзенко пытался сорвать урок французского? – обратился он к соседу Мурзенко по парте, уважаемому учителями интеллигентному ученику, которому соврать было стыдно. Колесников отрицал, но Семен уже не отставал от него:

– Тогда, кто по-твоему мог это сделать? Ты же староста и должен был слышать или знать, что затевают твои оболтусы! – стал допекать его Семен с последней надеждой вычислить «химиков». Сию тайну наш классный руководитель таки узнал, когда наши одноклассники решили встретиться через десять лет после выпуска из школы; конечно, на свою теплую и сердечную встречу мы не забыли пригласить Семена. Рыльников к этому времени закончил Московский институт стали и сплавов и даже защитил кандидатскую и остался работать в Москве. Ни на одну из наших юбилейных встреч он не приезжал.

Семен Семенович Хорунжий появился в нашей школе осенью 1952-го, как учитель русского языка и литературы. Он сразу стал нашим классным руководителем. Одевался он, как и все наши учителя, и женщины и мужчины скромно. Целый учебный год он проходил в одном и том же сером, с рисунком ткани «в елочку» поношенном костюме. Его лицо украшали крупные мужские черты: большие уши и нос, большие и строгие серые глаза. На лысом черепе спереди небольшой хохолок смягчал его суровый вид. Высокий, под 180см, сухощавый, с размеренной чистой речью, он воплощал образ традиционного русского учителя, каких часто показывали в наших послевоенных кинофильмах. Разговаривал он со своими подопечными, как со взрослыми, а не с пятнадцатилетними пацанами. Наставления, замечания, внушения и критика поведения, – все это он делал строгим тоном, по-деловому, будто бы мы находились не в школе на классном (воспитательном) часе, а на серьезном партсобрании, на котором решалась судьба класса и его отдельных учеников.

На одном таком воспитательном уроке завел Семен Семенович разговор о том, что ученики плохо себя ведут на уроках украинского языка и литературы. Учительница украинского Надежда Ивановна «проходила» с нами произведение Панаса Мирного «Хиба ревать волы, як ясла повни», в котором главным героем был мальчик, сирота Чипка. Рассказывая о тяжелом детстве пастушка Чипки, маленькая, хрупкая (тендитная) Надия Ивановна зачитывала отдельные отрывки из повести. Вторую парту в первом ряду, слева от учительского стола занимали Валерка Колесников и Владька Мурзенко. Первый был единственным сыном полковника – военврача, а второй приходился внуком завуча младших классов. Ребята – оба высокие, остроумные и в добротных костюмах. Жалостливые интонации, с какими учительница зачитывала тексты, должны были по ее мнению вызвать у нас сочувствие по отношению к тяжелому детству Чипки. Получилось наоборот. Мурзенко сначала тихо подсмеивался, а потом выдал громкую остроту, и весь класс рассмеялся. Учительница обиделась и попросила Мурзенко не мешать ей проводить урок. За Мурзенко вступился Колесников, высказав откровенно все, что он думает о главном герое: «Извините, пожалуйста, Надежда Ивановна, но нам это неинтересно и незачем знать – будет «ревать волы или коровы». Учительница не на шутку обиделась. Она закрыла

книгу, взяла классный журнал и вышла. Урок был сорван. Это событие и явилось предметом разбирательства на воспитательном часе.

– Мурзенко и Колесников! Вы должны извиниться перед учительницей украинского языка! – настаивал Семен Семенович, в конце концов, вы живете на Украине в украинском городе, и обязаны знать произведения украинских писателей! Не проявляйте своего мерзопакостного невежества!

– Семен Семенович! Нам неинтересна жизнь какого-то пастушка из села Пески! – стал защищать провинившихся Окаринский, такой же почти отличник, как Мурзенко и Колесников, – лучше бы нам произведения французских авторов изучать!

– Окаринский! Надежда Ивановна и на тебя жаловалась за невнимательность на ее уроках! – отпарировал Семен, – так или иначе я обязан принять меры к нарушителям дисциплины!

Эти меры воплотились в суровый бюрократический приказ, текст которого сфотографировал Юра Волков «для истории», и который он любил зачитывать на юбилейных встречах выпускников 10-в класса, на которых всегда присутствовал наш наставник Семен Семенович. И вот, что было в том приказе с параграфами.

П Р И К А З

По 14-й средней школе г. Львова 12.02.1955

№ 1

За систематическое грубое нарушение «Правил для учащихся», выразившееся в нарушениях дисциплины на уроках и перерывах, в пререканиях с учителями, в неподчинении учителям, в оскорблении их, в общей неорганизованности и нарушении этики советского школьника, ученикам 10-в класса Мурзенко В. и Колесникову В. выношу строгий выговор с предупреждением, с занесением в личное дело.

№2

Ученика 10-в класса Окариноского В. за разговоры и невнимательность на уроках предупредить.

№3

Настоящий приказ довести до всех учащихся школы.

Директор школы (подпись) И. Садовников

Несомненно этот приказ готовил наш классный руководитель Семен Семенович после того воспитательного часа, на котором он «прорабатывал хамское отношение» десятиклассников послевоенной русскоязычной школы к изучению украинского языка. Он защищал профессиональную честь учителя от нашего воинствующего невежества, хотя в том неприятии произведений Панаса Мирного мы были в чем-то правы. После русской прозы И. Тургенева, Л. Толстого, А. Пушкина, в произведениях которых действовали умные, сильные и образованные аристократы, слушать жалостливое повествование о несчастном сельском мальчишке было тяжело. Послевоенные мальчишки и юноши любили рассказы про войну.

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ. СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Примерно треть мужской половины класса под воздействием военной патриотической литературы и кино после получения аттестата зрелости поступала в военные училища: в летные, морские, танковые. Не всем удалось поступить, слишком большой был конкурс и высокие требования к здоровью.

Много лет спустя мне попала книга на русском языке «Разве режут волы, если ясли полные». Потом я прочитал книгу Г. П. Данилевского «Беглые в Новороссии», изданную в Москве в 1956-м. В книгах упомянутых украинских писателей ярко выражен социальный протест против вопиющего крепостнического произвола русских помещиков. Но, от внимательного и чуткого читателя не ускользает и протест против несправедливости национального гнета в этих книгах, как впрочем и в других книгах украинских авторов.

Вероятно, наш классный руководитель и директор школы увидели и политический нюанс в том отношении русскоязычных учеников к учительнице украинского. Их приказ, хотя и не претендовал на образец изящной словесности, скорее он напоминал армейский приказ ротного командира, все же он был политкорректным. Учительница украинского получила сатисфакцию, а оскорбившие ее преподавательское достоинство и национальную гордость, Мурзенко и Колесников стали примерно себя вести на уроках украинского языка.

На своих встречах мы вспоминали прошлое. И приходили к выводу: пока в наших школах и в системе образования будут царить женщины, толку в таком государстве не будет. Почему в школу не идет учительствовать наш мужик? Ведь, после войны мужчин было в стране мало, но в наших школах они откуда-то находились!

– Ты, Владимир Михайлович, упоминал о том, что выступал в соревнованиях по пятиборью. Во Львове был знаменитый пятиборец Павел Леднев. Он был чемпионом СССР и даже европейским чемпионом. Ты с ним встречался?

– Леднев, вообще-то был офицером в ЦСКА и тренировался по плаванию на открытом бассейне спорткомплекса Прикарпатского военного округа. Этот бассейн, если помнишь, находился рядом с моим училищем, и наша команда пятиборцев тоже тренировалась там. Иногда я видел Леднева. Он плавал кролем на уровне мастера спорта. Плавание приносило ему достаточно много очков на соревнованиях. Но, я по пятиборью выступал только на соревнованиях в системе МВД.

– Мы с Витей Морозом тоже боролись в пяти видах спорта. С конца семидесятых физкультурные кафедры львовских вузов ежегодно весной проводили соревнования между преподавателями по так называемому офицерскому пятиборью. В конце марта, когда еще было достаточно снега, мы бегали на лыжах пять километров. Соревнования устраивались иногда в Стрыйском парке, или на футбольном поле стадиона «Дружба». Потом мы плавали стометровку в бассейне политехника, или университета. Потом в разных стрелковых тирах стреляли из малокалиберных винтовок. Все это проводилось только по воскресным дням. И уже к середине апреля, когда начинали зеленеть каштаны, преподавателей собирали на стадионе института физкультуры. Мы бегали восемьсот метров и бросали гранату. Наша команда самого маленького по численности студентов полиграфического института заняла в какой-то год второе место. Нам с Витей вручили профсоюзные призы – деревянных орлов.

– А, кто из вас был лучшим?

– Витя лучше бегал и бросал гранату. В остальных видах более удачливым был я. Нас преподавателей выступало по пять человек от каждого вуза. Политехнический имел традиционно самую сильную команду. Инженеры были крепкими ребятами. Потом, меняясь вторым или третьим местами, был университет или наш полиграфический, потом лесотехнический или медицинский. В хвосте были преподаватели из института прикладного искусства. Институт физкультуры не участвовал, они считались «профессионалами».

– Вадим, помнишь, как я гранату в школе бросал?

– Ну, кто же этого не помнит! Все одноклассники это помнят! Тогда в послевоенных школах проводились компании по сдаче норм БГТО для младших школьников, и – ГТО (готов к труду и обороне) для старших. Ты в девятом классе пульнул эту гранату за школьный забор! Остальные едва бросали на тридцать метров. Да, что гранаты? Я помню, как мы с польскими мальчишками в 50-х дрались камнями. Они откуда-то взялись с пустыря по улице Мохнацкого. Их было человек десять. А нас пятеро вместе с Ленкой Антоновым. Они начали теснить нас вниз по улице от военкомата. Между нашими группами было метров по тридцать сначала. Камни летели в обе стороны крупные, – улицы были немощеными, – и булыжников хватало. И так мы отступали, пока сзади поляков не оказались ребята из четвертой украинской школы с улицы Ломоносова. Они со школы дворами проходили через геологический корпус универси-

тета, и услышав польскую речь и разобравшись в ситуации, помогли нам избежать позорного бегства.

– Я не слышал про эту драку с поляками.

– Ты в пятом и шестом классах редко участвовал в уличных сборищах. Ты уже серьезно тогда начал заниматься спортом вместе с нашим соседом по дому Костей Никитиным.

– Во Львове после войны было две польских школы, которые я знаю. Одна шестнадцатая школа по улице Маяковского возле летнего кинотеатра, а другая, кажется восьмая, возле политехнического института на улице Сталина. Поляков после войны во Львове много оставалось.

– Когда я вернулся из армии, меня мать устроила сразу к себе на завод сборщиком термомприборов. У нас в цеху работали польские ребята. Я дружил со Славиком Ковальским и симпатичной Зоськой. Мы с Ковальским выступали за цех по волейболу. Славик лицом был похож на польского актера Микульского из телесериала «Четыре танкиста и собака». Красивая, кареглазая Зоська болела за Ковальского, – он был капитаном команды. Но в отличии от Микульского, он был на поле суетливым и все ругал нас за неправильные приемы мяча.

–Вадим, в каком году ты вернулся из армии?

–Это было после венгерских событий. Был 57-ой или 58-ой. Точно не помню. Тогда я встретил во Львове Шубина. Он был в это время в Венгрии. Много мне всякого рассказывал. В чехословацких событиях побывал Ленька Антонов. Усов Бронислав посадил печень в Нигерии. Валентин Стряпан и Валерка Колесников в одно время учились в аспирантуре в Парижских вузах, но попали в Париж по линии КГБ. Валерка много рассказывал про парижскую оперу, он был меломаном. А наш сосед Женька Костиков работал в Тегеране профсоюзным боссом при посольстве, и тоже попал за кордон через Комитет Глубокого Бурения. Так в своих рассказах он именовал эту секретную организацию. Я мог бы тебе еще назвать одну фамилию «испанского нелегала», но думаю, что и так выдал достаточно секретов о наших одноклассниках.

–Ты забыл назвать Гену Кочетова. Он ведь прошел Афганистан и остался жив! Он хорошо играл в шахматы и писал на отлично школьные сочинения.

–Да я не только в школе дружил с ним, но и позже, после армии, мы с ним часто встречались. Он был уже на старших курсах мединститута, учился на хирурга. Как-то он пригласил меня подежурить с собой в приемном отделении клиники мединститута, где он проходил практику. Я ему ассистировал на одной операции вечером в приемном отделении клиники.

– Как, это ассистировал?! Ты же в армии не был фельдшером! И не учился в мединституте!

– Первое: приемное отделение это, как первая скорая помощь. По вечерам в нем оставались только две санитарки и дежурный врач, практикант. Второе: Геннадий мне выдал белый халат и белый колпак, вот и стал я на время студентом четвертого курса. А тут привезли мальчика из интерната. Ему было лет двенадцать, и у него кровоточила на голове выше лобной части рана. Мальчишка, плача рассказал нам, что ударился не то о дверь, не то о батарею. Я наблюдал, как Геннадий промывает рану. Кожа на голове у мальчика разошлась на длине до трех сантиметров. Волосы вокруг раны в крови.

– Ну, что орел? Будем тебе зашивать рану? – обращается Геннадий к мальчишке.

– А это больно? – спрашивает мальчик.

– Придется немного потерпеть! – успокаивает пострадавшего Геннадий, и неожиданно обращается ко мне:

– Слушай, Вадим, а ты брился опасной бритвой ?

– Я и сейчас бреюсь отцовским «Золингеном». Отличная бритва, – отвечаю я.

«У нас тут в отделении нет золингенов. Возьми вот эту нашу бритву, заправь ее на ремне и побрей пацану волос вокруг раны». – Геннадий так спокойно и деловито отдал новоиспеченному «фельдшеру» распоряжение, и при этом, глядя на меня, ехидно ухмылялся, – а не сдрейфит ли его «коллега»? – пришлось роль играть до конца, да и санитаркам он велел под-

готовить анестезирующий раствор. И все при делах. Короче, Володя, я молча заправил бритву. Геннадий промыл рану обычной марганцовкой, и я стал выбривать края кровоточащей раны. Естественно, я переживал, чтобы мальчишке не было больно.

«Выбривай так, чтобы от краев раны было чисто на сантиметр. Можно больше, но никак не меньше, иначе мне трудно будет зашивать. И волос не должен попасть в шов». -приказал Геннадий так, как будто я был фельдшером и часто делал подобные процедуры. Я понимал, что в этой ситуации на обсуждение своих необычных действий, которые я делал впервые, нет времени. Геннадий готовил иглы и нитки. Ему помогала санитарка. Я с великим напряжением выбрил одну сторону раны и приступил ко второй. Рана кровоточила. Мальчик постанывал. Я ощущал дискомфорт в промежности и страх, -как бы не причинить боль мальчику. Геннадий сделал обезболивающий укол, мальчик захныкал. Через пару минут мы начали самую болезненную фазу операции. Геннадий зашивал быстро и уверенно. Я подсвечивал ему настольной лампой. Вот так, Володя, мне на время пришлось стать ассистентом будущего военного хирурга. На одной из встреч одноклассников Генка, вернувшись из Афганистана, показывал цветные фотографии ран, полученных нашими солдатами при взрывах противопехотных мин. Не все желали смотреть. На той встрече тебя не было. Отец Геннадия, кажется, погиб сразу после войны? Ты об этом, что-то знаешь?

– Точно не скажу, но его отец погиб в Германии. Тогда Геннадий был не то в шестом, не то в седьмом классе. Когда мы были с Леней Шестаковым нашим лучшим математиком у тебя в Керчи на семидесятилетия, он рассказал про семью Кочетова. Я от Леньки узнал, что у Геннадия отец и мать были ветеринарными врачами. Оба из Горького. Во Львов их, также как и наших с тобой родителей, занесла война.

Отец Геннадия окончил уже после войны ветеринарную войсковую академию и был откомандирован в кавалерийский полк НКВД, который дислоцировался в Янове и прочесывал яновские леса в поисках бандеровских отрядов. Этот полк потом расформировали, а отца перевели в механизированный стрелковый полк непосредственно во Львов. Мать Геннадия устроилась на работу в зооветеринарный институт. Потом отца направили в Германию, во Франкфурт. Какой, не знаю. Их вроде два Франкфурта – один на Майне, а второй вроде бы – на Одере. Там он и погиб.

– Моя мать решила объединиться с семьей своей сестры, и они выменяли большущую четырехкомнатную квартиру на Зеленой, рядом с улицей Кутузова, где в угловом доме жил на четвертом этаже Гена со своей мамой. Я был у него в квартире один раз. Мать Генки была маленькой и худенькой женщиной. В то время она писала диссертацию. Тогда у них отца уже не было. Однажды мои родители уехали, и у нас в квартире мы играли в преферанс. Были Женька Костилов, Женька Сергиенко и Гена. После росписи пули зашел разговор об отцах, где кто из них воевал. Оказалось, что и у Костилова отец был кавалеристом. А Сергиенко, вообще рассказал детективную историю о своем отце.

– Вадим, у Сергиенко не было отца, ведь наш класный руководитель Семен Семеныч вызывал всегда в школу его мать.

– Был у него отец, только он после войны имел другую семью и жил в Москве. У Женьки отец был полковником, артиллеристом, и он преподавал в академии им. Фрунзе. Но вот какая история произошла с его отцом в начале войны. Под Уманью его часть попала в окружение. Он был командиром батареи. Осталось от части два десятка солдат и лейтенант, который выводил их из окружения. Но было и много дезертиров, которых вылавливали конные энкаведисты.

– Как кавалеристам удалось уцелеть в той мясорубке ?

– Я читал книгу маршала Андрея Антоновича Гречко (1903 – 1976) «Годы войны». Он перед самой войной закончил академию Генштаба и начинал сражаться на Украине в должности командира кавалерийской дивизии. Гречко написал свою книгу в 70-х, находясь на посту министра обороны. Он, как мне показалось, мог позволить себе быть объективным. Было

много причин панического отступления наших отдельных армий и частей. Самое страшное, писал А. А. Гречко, – «Это практически полное разрушение системы управления войсками». Некомплект, отсутствие винтовок, нехватка телефонов. Но еще страшнее – это выяснение отношений: кто главный – командир, или комиссар? Все это показано было в наших кинофильмах. В книге упоминается приказ Сталина от 16 августа 1941-го №270 о борьбе с боязнью окружения, паникерством и трусостью. За исполнением приказа следили уполномоченные НКВД. Отец Женьки выводил остатки своих солдат из окружения. Шли через леса. И возле какого-то села их встречает конный энкаведист. Сразу следует вопрос: кто командир, какая часть и т.д. Отец отвечает. Энкаведист выслушал и начал расстегивать кобуру пистолета. Но отец Женьки выстрелил первым и этим спас себя и своих солдат, которые продолжили воевать. Жаль энкаведиста, но на войне не всегда можно было отличить элементарную панику от грамотных действий командиров по спасению людей.

– Вадим, но еще в римских легионах, проявивших трусость в боях, убивали каждого десятого. Это мы знаем из школьной истории.

– А как отличить трусость от маневра? Ты ставишь под сомнение действия отца Женьки?

– Ни в коем случае. Разве мы можем судить о наших отцах. Важно, что они выжили. Женьке повезло. А отец помогал ему?

– Конечно. Женька на каникулах всегда ездил к отцу в Москву. Я вспомнил рассказ Юры Волкова о своем отце. Он, кстати, начинал жизнь тоже в Харькове, как твой и мой отцы, Володя. Забавный был с ним случай. Но, сначала послушай, что писал про Харьков маршал Гречко:

«Два десятка немецких дивизий окружили Харьков, и наш Юго- Западный фронт растянулся на сотни километров. Был конец октября, и немецкая авиация нещадно бомбила город. Кольцо окружения сжималось».

– Отец Юрки тогда возглавлял сборочный цех танкоремонтного завода. У Юрки отец и мать перед войной оба учились в бронетанковой академии. Там и поженились и родили в 37-м Юрку. Отец Юрки был родом из Николаевской области, а мать из Рязани. После окончания академии их направили в Харьков, там тогда производили и лечили танки. Мать с началом войны отвезла Юрку и его брата в Оренбург, а отец занимался эвакуацией оборудования. Уже под бомбежкой уходили поезда с тяжелыми станками на Урал. Он так и не успел все свое хозяйство вывезти. Бомбы разрушили основные корпуса завода. И вот, что рассказывал отец Юрки: «Вдруг наступило затишье. Немецкие бомбы перестали падать. Он спокойно себе руководит погрузкой вагонов, решив, что наши отогнали немца от Харькова. Телефонная связь продолжала работать. Ему даже из Москвы звонили. Интересовались, как идет отгрузка военного оборудования. Ночевать приходилось на заводе. Поздно вечером звонок в цех. Отец Юрки поднимает трубку и готовится докладывать, думая, что это звонят из Москвы. Слышит непонятный голос. И вдруг до него дошло: с ним говорят по немецки. Голос слышен четко, как будто немец звонит из административного корпуса. В академии их учили немецкому, и кое-что он разобрал. Интересовались, где находится командир какой-то роты. Отец сначала перепугался, а потом овладев собой, ответил что-то вроде «моя твоя не понимайт». Он понял, что надо сматывать удочки, и объявил своим работникам об этом. Слава богу оказалась свободная полуторка, и инженерный персонал цеха, захватив с собой документы, отчалил в направлении Белгорода.

– Я помню, отец Волкова был директором Львовсельмаша. Он нашему классу помог выполнить план по сбору металлолома.

– Он еще проводил с нашим классом экскурсии по заводу. И после школы Женька Сергиенко, провалив экзамены в военное училище, работал у него на «Сельмаше» фрезеровщиком. На следующий год он поступил в политехник. Наш Семен был в комиссии по выставлению оценок за сочинение. Он взял на проверку Женькино сочинение и поставил ему четверку.

– Вадим, ты брата Юрки Виктора Александровича помнишь?

– Конечно помню, он закончил 14-ю школу на год позже нас.

– Мне приходилось инспектировать организации Червоноармейского района Львова. Виктор Александрович тогда был первым секретарем района. Я был по своим делам у него в кабинете. Мы вспоминали школу.

– Он потом работал и в горкоме партии, кажется тоже первым.

– У меня была интересная встреча с ним. Он тогда был вторым секретарем горкома. Трехэтажное здание горкома партии находилось в центре, на проспекте Шевченко. Это был мой объект. При входе я предъявил удостоверение и направление на инспекцию. Захожу в вестибюль и сразу вижу нарушителя. Мужчина лет тридцати, в добротном костюме, тащит вверх по лестнице канистру с бензином. Запах на весь вестибюль. Я его остановил и потребовал немедленно покинуть здание, напомнив о грубом нарушении противопожарной безопасности в общественном здании. Он возмутился: «кто я такой, чтобы ему здесь указывать!». Я схватился за канистру, и не отпускаю. На скандал вышел какой-то ответственный хозяйственный работник. Он объяснил, что горком скоро должны посетить гости, и что к их приему они хотят помыть бензином полы, чтобы их потом надраить свежей пастой. Я ему объяснил, что это может привести к сильному пожару, и вообще могут пострадать и гости и хозяева. Снова скандал. Я спросил, как найти первого секретаря. Работники, оказавшиеся возле нас, молчали. Я нашел приемную сам. Секретарша сказала, что первого нет. Я тогда по табличке определил, кабинет второго секретаря. Меня к нему не пускают, ни секретарша, ни завхоз. Я оттолкнул их и вошел в кабинет. За столом сидел Виктор Александрович Волков, брат нашего одноклассника. Мы обрадовались нашей встрече. Я пожаловался на вопиющую безответственность сотрудников горкома.

– Понимаешь, Виктор Александрович, эти ребята, которые шутят с бензином, вообще-то, ты извини меня, пожалуйста, дворня, которая строит из себя больших начальников! Как же, – они горкомовцы, а я какой-то пожарник, мешающий их «ответственной» работе.

Виктор все понял мгновенно. Он вызвал скандалистов в кабинет и при мне сделал им внушение. А завхозу указал на несоответствие должности. Мы тепло попрощались. Я был в расстроенных чувствах, но поехал проверять другой объект. Вроде бы конфликт закончился в мою пользу. Но, осадок остался. В который раз я убедился, что мораль у высоких партийных работников не соответствует занимаемой должности. Поэтому их партия перестала быть честью и совестью народа. Повторю банальность: власть портит людей.

– Володя, но Виктора мы к этим людям не будем относить!

– Нет, конечно. Только я потом слышал, что с ним случился инфаркт. Ему нельзя было с его тонкой душой идти во власть.

– Здесь мать Волковых сыграла роль. Она была партийным работником. После освобождения Киева от фашистов она работала какое-то время в Киевском горкоме. Младший сын Виктор пошел по ее стопам. Юрка вспоминал, как мать показывала ему разрушенный центр Киева с верхнего этажа горкома. Это огромное здание с колоннами на берегу Днепра. Ты же бывал в Киеве?

– Не только бывал, но и работал в период после Чернобыльской катастрофы. Тогда улицы Киева каждый день обильно промывали водой. Задействованными были почти все пожарные машины.

– Володя, эту катастрофу будет помнить не одно поколение. Через год мне пришлось ехать в Ейск на студенческую практику. В вагоне только и было разговоров о Чернобыле. Разные версии звучали, вплоть до диверсии. Потом, когда я в 93-ом работал в одном киевском институте, одна профессорша, жена крупного чиновника, поведала мне как, с верхних этажей киевских высоток люди наблюдали зарево над Чернобылем. Ее сосед по дому, кэбэбист, по секрету ей сказал, что это дело рук американских спецслужб. Возможно ли такое?

– Кто его знает. Если Горбачев предатель то, возможно. Хотя я склонен думать, что скорее это просчет наших спецслужб. Они проспали развал Союза. Об этом когда-нибудь напишут.

– Мне кажется, Владимир Михайлович, что наши отцы разуверились в светлом будущем нашей страны и прочего человечества после того, как американцы сбросили свои атомные бомбы на города Японии. После этого военное противостояние только возросло. Вспомни – после германской войны была японская, потом корейская, за ней вьетнамская, и сразу потом египетская, кубинская, ангольская, чилийская, афганская, иракская, ливийская, сирийская. И везде воюют и гибнут наши.

– Ты забыл назвать внутреннюю чеченскую войну, которую удалось остановить только Путину. Мне тоже пришлось повоевать с внутренними врагами. После окончания училища меня направили в Яворовский район. Надо было выяснить, кто поджигает поля зерновых.

– Под Яворовым много лесов. Мы с Юрой Волковым туда за грибами ездили. После переоборудования Яворовского полигона, вроде бы с бандеровцами покончили.

– Во-во! Вроде бы! В меня там из-за кустов еще в 60-ом стреляли, когда я на мотоцикле совершал объезд полей. Горело то в одном, то в другом месте. Для самозащиты мне выдали пистолет и гранату. Но, слава Богу, их применять не пришлось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.